

О. С. Сапожникова
Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
olsapoj@mail.ru

ЕВРОПЕЙСКОЕ ИЗДАНИЕ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ (LIBER DE ARTE DISTILLANDI): ПРИЧИНЫ ИЗБИРАТЕЛЬНОСТИ РУССКОГО ПЕРЕВОДА¹

Статья посвящена русскому переводу «Книги об искусстве дистилляции» страсбургского врача Иеронима Бруншвига (первое изд. 1500 г.). Изучение сохранившихся списков и, прежде всего, достаточно точной копии оригинала XVI в. позволяет утверждать, что русский переводчик избирательно подошел к тексту немецкого медицинского издания и преднамеренно пропускал те фрагменты книги, которые противоречили укладу жизни и нормам поведения в православном обществе Московской Руси. Избирательность русского переводчика соотносится со свидетельством царя Ивана Грозного и материалами Аптекарского приказа.

Ключевые слова: «Книга о дистилляции» Иеронима Бруншвига, Марсилио Фичино, «трупная медицина», эпоха Возрождения, православный традиционализм, история русской медицины, царь Иван Грозный, Сергей Шелонин.

Страсбургский врач Иероним Бруншви́г — типичный деятель эпохи Возрождения — много путешествовал, много учился, сочинял, издавался, увлекался модными философскими течениями и гармонично сочетал в своей профессии теорию и практику [Sigerist]. Биографы реконструируют факты из жизни Иеронима на основании тех историй, которые, будучи пересказаны от первого лица, читаются в его научных работах. Поскольку страсбургский врач упоминает случаи, свидетелями которых он был в ряде городов Европы, где существовали университеты с медицинскими факультетами, — в Падуе, Болонье, Париже, исследователи предполагают, что он, скорее всего, учился в этих учебных заведениях [Sudhoff; Forbes, p. 109–117; Keil]. Поучаствовав в качестве врача в Бургундской войне (1475 г.) и применив на ней знания, полученные в университетских аудиториях, Иероним Бруншви́г изложил впоследствии свой опыт в «Книге о хирургии» (*Das buch der cirurgia*. Strassburg, 1497). Имея богатый опыт лечения самых разных заболеваний, уже зрелый врач опубликовал в 1500 г. злободневную брошюру о лечении венерических заболеваний, в том числе и только что завезенной «американской проказы», — «*Liber pestilentialis de venenis epidemie...*». В этом же году выходит его «Малая книга об искусстве дистилляции» («*Liber de arte distillandi de simplicibus*»), которой суждено было прославить автора: доступным языком он учил изготовлению лекарственных средств из простого сырья методом паровой перегонки, их верному использованию и хранению, давал сведения из этиологии, патогенеза, терапии и профилактики многих заболеваний. Отредактированное и дополненное, новое издание вышло в 1505 г. под названием «Малая и Большая книга об искусстве дистилляции» («*Liber de arte distillandi simplicia et composita*»)² и с тех пор переиздавалось более ста лет на разных языках. Особенностью книг страсбургского врача было не только введение в практику новых технологий, но и огромное для того времени число иллюстраций в каждом издании: помимо гравюр с изображениями процессов перегонки, кубов, реторт, «холодильников», врачебного инструментария, аптечной посуды, врачей, их лабораторий, учеников, медицинских процедур, аптекарских садов, парков и т. д., почти каждая из 350 статей так называемого «Гербария» (в русской традиции — «Травника») была снабжена изображениями [Sigerist, p. 27–28, 42]. В этой части Бруншви́г описал сырье, пригодное для изготовления лекарств методом дистилляции:

¹ Статья основана на материалах доклада на IX Международной научной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси» 11–15 сентября 2017 г. (Москва) и тезисов [Сапожникова, 2017б].

² Далее — «Книга о дистилляции».

свойства, морфологию, разновидности, регионы распространения растений, внешний вид и среду обитания животных, птиц, насекомых, — о чем было написано в увлекательной форме, с выписками из трудов предшественников-медиков времен Античности и Средневековья, занятыми примерами из жизни исторических персон.

В свой труд Иероним помещает и две части «Книги о жизни» флорентийца Марсилио Фичино, известного философа-эзотерика, главы «Платоновской академии». Практикующий врач явно разделял герметические взгляды Фичино на происхождение недугов и их преодоление: болезни и недомогания возникают под влиянием неблагоприятных планет и их сочетаний, но если использовать токи благих планет и светил (Солнца, Юпитера, Венеры) и изучать полезные качества их проводника — *Spiritus Mundi*, то удастся достичь согласованности между состоянием тела человека и «тела космоса». Лучшая терапия для утонченных натур, согласно Фичино, — красота мира, которую, используя специальные знания и «приемы» в виде талисманов, картин, наук, музыки и т. д., можно «привлечь» в свою жизнь и тем самым украсить ее и продлить. Страсбургскому врачу была близка идея флорентийца о «духе исцеляющем», который при согласовании действий врача с астрологическими предписаниями помогает справиться с болезнями. Современник Иеронима Бруншвига и соотечественник Марсилио Фичино художник Сандро Боттичелли воплотил коды модной герметической философии в сюжетах своих картин и прежде всего в самом известном шедевре «Весна», персонажи которого (три грации, воздух, Меркурий, окружающие Венеру) являются теми же участниками целительного действия, что и персонажи «Книги о жизни», связывающие космос и мир людей, привнося в него красоту и гармонию, способствуя его исцелению и совершенствованию³ [Иванова, с. 370]. В «Весне» Боттичелли насчитывается более ста разновидностей растений (цветы, травы, деревья), написанных с ботанической точностью. Специальные знания в эпоху Возрождения, в том числе и ботаника, буквально выплескиваются за стены монастырей и лабораторий алхимиков, королевских и епископских аптечных огородов на полотна художников, пополняют арсенал поэтических средств литературы («Как розы майские — махровую с лесной — тебя с твоей сестрой и сравнивать мне странно», Пьер Ронсар). Современники и учитель Боттичелли — Фра Анжелико («Благовещение», 1436 г.), Джованни ди Паоло («Мадонна смирения», 1442 г.), Филиппо Липпи («Поклонение в лесу», 1459 г.), Франческо Мельци («Флора», 1520 г.) уже не столько изображают символы, заключенные в образах цветов (белоснежная лилия — целомудрие, алая роза — страсть, страдание, апельсиновые деревья — вечность, земляника — праведность и трудолюбие и т. д.), сколько стремятся едва ли не к научной точности в передаче всех деталей растений, что способствует почти чувственному восприятию зрителями знакомого аромата цветов, мягкости травы, сочности ягод. Еще немного, и красота земного мира начнет соперничать с сакральной: потолок и своды церкви св. Михаила старейшего монастыря города Бамберг будут украшены не сценами из Священной истории, а изображениями лекарственных и полезных для человека растений и плодов в количестве 580 видов [Hofmann, s. 33; Dressendörfer]. Характерное для эпохи энергичное выдвижение примата красоты, и притом чувственной, переполняет полотна и трактаты деятелей Возрождения [Лосев, с. 41–42; Кудрявцев, с. 402–417], эта интенция была очень близка и тем, кто в силу своей профессии должен был препарировать прежде всего человеческое тело, а не душу. Наука приблизилась к человеку и оказалась прямо у него дома, точное наблюдение природы превратилось в характерную черту

³ См. фрагмент из первой части «Книги о жизни» Марсилио Фичино: «Является и благодатная Венера — мать Граций, которая своими животворящими и несущими радость лучами так все усовершенствует и украшает, что всякая вещь, по указке Меркурия взысканная и в Фебовом свете явленная, озаряясь чудотворной и целительной красотой Венеры, неизменно радует нас и нам споспешествует» (русский перевод: Гурьянов И. Г. Первая книга медико-астрологического трактата «О жизни» Марсилио Фичино в контексте исследований философии Возрождения // Платоновские исследования. 2015. № 3. С. 161).

эпохи: стало возможным покупать печатные справочники и изучать описания трав и животных, свойства лекарственных растений, самостоятельно распознавать их и использовать себе во благо [Аллеш, с. 297–300]. Многочисленные «Сады здоровья» (*Hortus Sanitatis*), «Гербариусы» (*Herbarius*) (Майнц, 1485, 1491; Аугсбург, 1487; Любек, 1492; Париж, 1499; Антверпен, 1500; Страсбург, 1517; Прага, 1563; и др.) и близкая к ним по жанру «Книга о дистилляции» Иеронима Бруншвига (Страсбург, 1500, 1505, 1507, 1508, 1512, 1518, 1521 и др.) сыграли роль медицинских энциклопедий не только для профессионалов, но и для всех интересующихся и увлекающихся ботаникой и зоологией [Müller, Dressendörfer]. Книга Иеронима Бруншвига произвела большое впечатление в Европе и переиздавалась на разных языках вплоть до 1614 г.

В России «Книга о дистилляции» оказалась, скорее всего, в последней четверти XVI в. Возможно, ее появление связано с той чередой иностранных врачей и аптекарей, которые по приглашению Ивана Грозного прибывали со своими книгами, инструментами, лекарствами в Москву для оказания медицинских услуг царской семье. Инициаторами перевода популярного издания могли выступить соляные магнаты Строгановы, которые, как известно, выкупали из плена полезных для их производств специалистов, в том числе и врачей, и в собрании которых сохранилась самая полная иллюстрированная рукопись перевода «Книги о дистилляции». До этого на Руси было переведено только одно европейское медицинское издание⁴ — для великого князя Василия III, по благословению митрополита Даниила, «полоняник» Николай Любчанин перевел с немецкого «Сад здоровья» (Johannes von Cube. *Hortus Sanitatis*. Lubeck: Steffen Arndes, 1492)⁵. Книга Иеронима Бруншвига о дистилляции была переведена не иностранцем, а русским человеком, знающим языки и имеющим навыки в медицине или даже специальное образование: его компетентность при использовании латинской и немецкой терминологии, описании клинической картины заболеваний доказал профессиональный врач и историк медицины Н. А. Богоявленский [Богоявленский, с. 75–82]. Свое происхождение переводчик регулярно выдает выражениями типа «напишем по-русски своим языком». Сейчас трудно со всей определенностью сказать, издание какого года попало на Русь (всего их было больше 20), но самым близким к русскому переводу является страсбургское издание 1521 г.

Какое впечатление произвела сенсационная для Европы книга в России? Это вполне вероятно определить. Во-первых, факт перевода говорит сам за себя. Выбор именно этого издания наверняка был обусловлен его передовым характером: при паровой дистилляции изготавливаются более концентрированные средства и сохраняются при этом летучие компоненты, разрушающиеся при прямом нагревании пламенем, то есть итогом дистилляции являются более действенные препараты, что к тому времени знали уже все медики и фармацевты. Более того, основная часть описанного в «Книге о дистилляции» органического сырья была представлена в природе Московской Руси, а в сочинении Бруншвига давались практические советы, как черпать лекарственные ресурсы из окружающего мира, непосредственно наблюдать жизнь растений, изучать и осваивать по возможности флору и фауну своей местности [Богоявленский, с. 74]. И если материалы по русской медицине XVI в. не сохранились (об этом писал еще Н. П. Лихачев [Лихачев, 1888, с. 70]), то история медицины XVII в. достаточно полно представлена документацией Аптекарского приказа, на основании которой можно сказать с полной уверенностью, что в Московской Руси техника дистилляции была прекрасно освоена и изготовление методом паровой перегонки лечебных настоев, настоек, «всяких сиропов, пластырей

⁴ «Книга о дистилляции» была переведена, скорее всего, при сыновьях Аники Строганова, последний из которых, Семен, скончался в 1586 г. [Сапожникова, 2018], поэтому еще один из русских переводов европейского медицинского трактата, так называемый Травник воеводы Бутурлина 1588 г. (его источник: Spiczynski Hieronim. *O ziołach tutesznych i zamorskich*. Kraków, 1542), следует считать более поздним.

⁵ Перевод получил в науке два названия: по титулу заказчика — Царский Травник 1534 г., и по имени переводчика — Травник Любчанина. Об обнаружении и атрибуции этого Травника см.: [Морозов].

и мазей и прочих лекарств, которыи в запас делаются», было поставлено на поток. Л. Ф. Змеев нашел среди медицинских материалов XVII в. упоминание о том, что «приготовление вод» (то есть «Книга о дистилляции») вместе с «вертоградами» признаны Аптечным приказом «очень полезными для научения» [Змеев, с. 265]. А это означает, что русский перевод книги Иеронима Бруншвига вошел в активное употребление. Богоявленский так определил отношение русского «лечьца»-переводчика к автору «Книги о дистилляции»: «он полон благоговения перед “мудрым”, “искусным” врачом» [Богоявленский, с. 80].

Второе, что свидетельствует о признании или популярности книги в России, — это количество списков: в настоящее время известно шесть списков XVII в. с текстом русского перевода «Книги о дистилляции» (еще один утрачен не так давно) [Коваленко, с. 418], также достаточно многочисленны в составе сборников конца XVII — XVIII в. выписки с рецептами «перепущения вод». Недавно выявленный список 1620-х годов перевода книги Иеронима Бруншвига, созданный Сергием Шелониным для именитых людей Строгановых (БАН. 17.4.12), является, по нашему мнению, копией оригинала XVI в. Оригинал происходил, по-видимому, из библиотеки Строгановых и представлял собой рукопись по типу Царского Травника (большой формат, рисунки, профессионально скопированные с немецких ксилографий и умело расположенные на листе) [Сапожникова, 2018]. Рукопись Строгановых in folio, на 355 л., иллюстрирована 288 черно-белыми рисунками, сопровождаемыми подписями, при этом число строк на листе совпадает с их числом в Царском Травнике — 37. Особенностью оформления русского перевода «Книги о дистилляции» является наличие рисунка к каждой статье той части, которая по традиции называется «Травник» (Herbarius). При этом в европейских изданиях «Книги о дистилляции» никогда не иллюстрировались все статьи [Сапожникова, 2017a].

Для сравнения степени популярности переведенных в XVI в. Травников можно привести примеры числа известных рукописей Царского Травника: рукопись-оригинал 1534 г. + шесть списков XVII в. [Исаченко, с. 128–181] — и Травника воеводы Бутурлина 1588 г., переведенного с польского издания польскими же переводчиками: два списка конца XVII в. [Николаев, с. 95–96].

Судя по составу сохранившихся списков русского перевода, «Книга о дистилляции» не была переведена полностью. Отчасти это связано с тем, что в руки переводчика попал уже дефектный экземпляр немецкого издания. Переводчик заметил некоторые лакуны и отметил это в своих комментариях. Например, в пяти из шести дошедших до нас списков XVII в. в конце собственно Травника («Гербария») сохранились указания переводчика на «выданные» статьи⁶. Также он сообщает об отсутствии в имевшемся у него экземпляре последних статей на букву Z и о лакуне в «Беседе» (главе) на букву I: «Достол тое Бѣсѣды выдрана, еще же иная Бесѣда, кая по-латынски начинается “гаи”, а по-русьски “иже”. Еще и иное Бесѣда достолная, кая по-латынски “зедеть”, а по-руски “земля”»⁷; «Здѣсь три статьи выдрано, остаточная же о колотья в лѣвом боку»⁸.

Если в распоряжении переводчика был дефектный экземпляр, то, возможно, в нем отсутствовал не только конец «Гербария», но и другие части книги. Так, из первой части «Das Buch der rechten Kunst zu distillieren», посвященной собственно технологии дистилляции, были переведены только 22 главы (из 50) об изготовлении и особенностях хранения некоторых видов дистиллятов, например: «О водах, какъ составляются в лѣтнее время и какъ в зимнее время», «Бесѣда, коя учить, сколь долго воды сохранятьи и докуды ихъ не вылити», «О водах,

⁶ Исключением является сборник РНБ. Q.VI.3 конца XVII в., где читается сокращенная редакция перевода «Книги о дистилляции», не включающая комментарии переводчика и значительную часть статей.

⁷ РНБ. Q.VI.29. Л. 384 об.—385; РГБ. Ф. 37. Собр. Т. Ф. Большакова. № 431 (далее — РГБ. Больш. 431). Л. 445; БАН. 17.4.12. Л. 280; РНБ. F.VI.13. Л. 334 об.

⁸ РНБ. Q.VI.7. Л. 472.

чтобы не испортились» и т. д. При этом части, завершающие книгу, представлены в русском переводе практически полностью: «Бесѣда о пропущении драгих вод» (статьи о легендарных алхимических составах: «quinta essentia», «aurum potabile», «aqua vitae»); «Лечбы о различных недузех, первое ди паралисис...» («für das paralisis»); «Послѣдняя бесѣда о простых лечбах, коя составляется простыми травами. А та лечба младым людем пристойит, которые живут в пригородках по селом и по деревнямъ, которые аптиковых зелей достати не возмогут» (достаточно точный смысловой и адаптированный перевод с немецкого: «Sie weder baller noch pfennig haben Wer me/ wir seind die bauleut aus den dörffen. Wir sind von den Schlössern und kleine Stettlen. Wan wir schon ziemlich gelten haben wir doch weder artzet noch die artzney das wir moegen behelfen»).

Что касается медико-астрологического трактата Марсилио Фичино «О жизни», то к настоящему времени известно только два списка его русского перевода: в Травнике Строгановых — Шелонина 1620-х годов (БАН. 17.4.12) и в Травнике Сергия Шелонина 1650-х годов (переписанном послушником Сергия, с маргиналиями знаменитого книжника, РНБ. Q.VI.7). Иероним Бруншви́г поместил в свою «Книгу о дистилляции» две из трех частей трактата флорентийского философа: «О здоровой жизни» (I. De vita sana) и «О долгой жизни» (II. De vita longa). Третья часть — «О стяжании жизни с небес» (De vita coelitus comparanda) — не публиковалась в составе труда страсбургского врача⁹. Первая часть «О здоровой жизни» не была переведена на русский ни в каких отрывках — по-видимому, ее рецепты, посвященные проблеме «как надлежит заботиться о здоровье тех, кто усердствует к ученым занятиям» (то есть о здоровье ученых), либо абсолютно не заинтересовали заказчика, либо отсутствовали в том дефектном экземпляре издания, с которого выполнялся перевод. Вторая же часть «О долгой жизни», содержащая многочисленные рецепты и рекомендации для продления жизни пожилых людей, была переведена в количестве 6 глав из 20: при переводе преднамеренно были опущены невозможные для православной традиции астрологические и эзотерические положения, а также рекомендации ряда методов лечения [Сапожникова, 2016]. На эти пропуски переводчик «Книги о дистилляции» указал в своих комментариях. То, что это речь самого переводчика, подтверждается отсутствием чего-либо подобного в немецких изданиях и наличием комментариев во всех известных списках русского перевода. Они написаны, как правило, киноварью (полностью или частично), причем эта особенность устойчива для всех списков XVII в., а это может означать только одно — комментарии и в оригинале перевода были киноварными. Таким способом переводчик преднамеренно выделял свои ремарки из текста чужого сочинения и обращал тем самым на них внимание читателей и (или) заказчика. Характер комментариев в основном двух типов: 1) указание на дефекты оригинала (см. выше); 2) указание на статьи, которые переводчик осознанно не переводил, о чем свидетельствуют специальные формулировки.

Приведем некоторые примеры комментариев переводчика второго типа:

— «**Иные же притчи яз, перевотчик, здѣ преступил**» (РНБ. Q.VI.29. Л. 138 об.; БАН. 17.4.12. Л. 124 об.; РНБ. Q.VI.7. Л. 162; РНБ. F.VI.13. Л. 146 об.);

— «**Здѣсе Бесѣда переступлена от неразумия**»; «**А туто другая Беседа переступлена от незнаема для**» (РНБ. Q.VI.29. Л. 245; РГБ. Больш. 431¹⁰. Л. 303; БАН. 17.4.12. Л. 192; РНБ. Q.VI.7. Л. 272–272 об.; РНБ. F.VI.13. Л. 242);

— «**Здѣ Бесѣда преступлена от недоумѣния**» (РНБ. Q.VI.29. Л. 253 об.; РГБ. Больш. 431. Л. 311; БАН. 17.4.12. Л. 197; РНБ. Q.VI.7. Л. 280 об.; РНБ. F.VI.13. Л. 249);

⁹ Невозможно согласиться с мнением К. И. Коваленко, что в русском переводе присутствуют главы из всех трех частей «Книги о жизни» [Коваленко, с. 22]; как уже говорилось, часть третья вообще не входила в немецкие и другие издания «Книги о дистилляции» Иеронима Бруншви́га.

¹⁰ В списке из РГБ. Больш. 431 читается: «Здѣ двѣ бесѣды переступлены от неразумия». Очевидно, что переписчик объединил два сообщения в одно, — обратное движение текстов (т. е. разделение на два) уже невозможно, а это означает, в свою очередь, что редакция Травника, представленная в Больш. 431, вторична по отношению к Травнику Строгановых — Шелонина 1620-х гг. и, соответственно, к списку Травника Сергия Шелонина 1650-х гг.

— «**Здѣ глава пропушена по-латынски “Лимаксъ”, собою червь земляной**» (РНБ. Q.VI.29. Л. 332 об.; РГБ. Больш. 431. Л. 391; БАН. 17.4.12. Л. 246 об.; РНБ. Q.VI.7. Л. 355 об.; РНБ. F.VI.13. Л. 301 об.).

В главах из «Книги о жизни» Марсилио Фичино, которые сохранились только в списках Сергия Шелонина, встречаются следующие комментарии:

— «**Много здѣ преступаю для несогласия словес**» (БАН. 17.4.12. Л. 294 об.; РНБ. Q.VI.7. Л. 500);

— «**Здѣ же преступлено с половину листа для несогласия словес**» (БАН. 17.4.12. Л. 295; РНБ. Q.VI.7. Л. 500 об.);

— «**А здѣ иные строки переступлены для несогласия**» (БАН. 17.4.12. Л. 295 об., РНБ. Q.VI.7. Л. 501 об.);

— «**Здѣ Бесѣда пропушена для несогласения словес, а писано толко о благовонении травномъ ...**» (БАН. 17.4.12. Л. 300 об.; РНБ. Q.VI.7. Л. 510).

Как видно, в большинстве случаев переводчик указывает причины, по которым он «переступал», «пропускал» целые Беседы и отдельные фрагменты: «от неразумия», «от недоумѣния», «для несогласия», «от незнаема для». При обращении к оригиналу представляется возможным понять систему этих пропусков.

Прежде всего обращает на себя внимание то, что в части «Гербария» были «переступлены» упоминания тех же фактов медицины, что и при переводе трактата Марсилио Фичино: были изъяты все рекомендации употребления в качестве лекарственного средства дистиллированной человеческой крови. Так, была «от неразумия» переступлена глава «Menschen Blut Wasser» («Вода/средство из человеческой крови»). В этой главе всех немецких изданий «Книги о дистилляции» (см., например: Страсбург, 1505. S. 88v; 1508. S. 89; 1521. S. 88v; и т. д.) дается обстоятельное описание изготовления и употребления дистиллята из человеческой крови: указывается название крови на четырех языках, рекомендуется тип людей, годных для использования в качестве доноров (чья кровь наиболее способствует выздоровлению при определенных заболеваниях), перечислены болезни, при которых это «лечебное средство» используется. «Лучший способ и возраст для дистилляции — это кровь 30-летнего человека, сангвинической комплекции, горячего и энергичного нрава, радостного, душевного, опрятного и чистого, здорового в течение шести дней. Лучше использовать кровь, собранную в мае или в мае прокипяченную». Далее описывается способ приема «лекарства»: «Человеческую кровь хорошо пить утром и вечером по 2 лота¹¹ при заболевании туберкулезом легких и при снижении веса» («Menschen blut Wasser ist gut getruncken morgens und abens yedenmal von ii lot den ptisicis und eticis¹² furs Chwindsucht der Lungen und von Abnehmung des leibs»). В этой главе Иероним Бруншвиц ссылается опять-таки на такой авторитет эпохи Возрождения, как Марсилио Фичино, а также алхимика-мистика Жана де Рупе (он же Jean de la Roquetaillade, 1310–1366/1370): «...о том же сообщено в книге Марсилио Фичино и написано Иоганном де Рупе в книге “Пятая сущность”» («...als hernach in den nach gon den Buch Marcilii Ficini angezeigt würt von den gleichen Johannes de Rupe in dem Buch quinta essentia schreibt» (Strassburg, 1508. F. 89 r–89v)).

На причинах «переступления» русским переводчиком этой главы и подобных фрагментов стоит остановиться подробнее.

Употребление человеческой крови в качестве питающей живительной силы и лекарственного средства известно среди фактов традиционной медицины многих народов [Borgé], запечатленных не только в форме легенд и мифов (Скандинавские саги, Песнь о Нибелунгах, поверья германских народов, легенды о лечении фараонами проказы кровью еврейских младенцев и др. [Magnus, s.

¹¹ 1 lot — около 12,8 грамма (3 золотника, др.-рус.).

¹² Трудно точно сказать, что имеется в виду под ptisicis und eticis (лат.?), возможно, здесь подразумевается кровохарканье (hemo-ptysis) и еще какой-то признак.

49–54; Rüsche; Lammert, s. 37; Strack, s. 37]), но и в письменных источниках античного периода. Одним из первых упоминаний этого явления исследователи считают «Естественную историю» Плиния Старшего (книга XXVIII: Лекарства из животных, гл. 1, 2), где сообщается об одном из принятых во времена историка (I в. н. э.) средств лечения эпилепсии: «Страдающие падучей болезнью пьют даже кровь гладиаторов непосредственно из ран, точно из живых кубков... Считается самым действенным средством пить кровь еще теплой, еще струящейся из самого человека, впитывая, таким образом, из отверстия раны самое дыхание жизни». В Средние века в Европе человеческая кровь использовалась, как и в эпоху Античности, прежде всего для лечения эпилепсии (падучей) и проказы, а также при заболеваниях легких (туберкулеза), брюшины, лихорадки, ангины, при угрозе заболевания бешенством, подагрой и против «всех печалей» [Sugg, 2015, p. 12]. С VII в. в католических Пенитенциалиях, например, Феодора Кентерберийского, читаются запреты на данный вид «лекарственного средства», который, тем не менее, остается в употреблении: как способ лечения проказы оно упоминается в творчестве таких известных поэтов XII–XIII в., как Гартман фон Ауэ и Конрад Вюрцбургский [Döring], запечатлено в медицинских трактатах XIII–XIV в. (Арнольд Вилланова, Генри Мондевилльский). С изобретением книгопечатания в эпоху Возрождения рецепт употребления человеческой крови тиражируется для широкой аудитории в составе философских и медицинских сочинений, входящих в программы медицинских факультетов Европы. Особенно ценилась кровь детей [Magnus, s. 51], при этом как будто подразумевалась добровольная сдача ребенком крови, что вряд ли соответствовало действительности. Именно об употреблении крови здорового, веселого мальчика, который согласен сдать кровь, необходимую для поддержания жизненного тонуса пожилого человека, говорится в «Книге о жизни» гуманиста Марсилио Фичино, что перешло, соответственно, в труд врача Иеронима Бруншвига. При этом Фичино рекомендует уже не получение крови методами флеботомии (прокол, разрез вены), а предписывает высасывание ее по аналогии с действиями ведьм: «...Раз уж ведьмы сосут кровь, почему же наши старики, будучи оставлены безо всякой помощи и имея заболевания, не должны сосать кровь ребенка, который с охотой желает и согласен это сделать, и здоров, свеж, радостен и подготовлен, и который имеет наилучшую кровь, и даже, возможно, с избытком? Поэтому они должны сосать ее как пиявки из едва вскрытой вены левой руки, два лота или четыре. Однако сразу после этого детям следует дать столько же сахара и столько же вина. И следует делать эту процедуру при прибывающей луне»¹³. Историк «трупной медицины»¹⁴ Р. Заг также обратил внимание на заимствования автором «Книги о дистилляции» рекомендаций Фичино относительно омоложения пожилых людей при помощи человеческой крови и женского молока, которые вовсе не были «эксцентричными» для эпохи Возрождения, а скорее, «рутинными средствами», воспринимаемыми в качестве единой «человеческой жидкости»¹⁵. Прием крови orally прописывал больным доктор Парацельс,

¹³ Пример цитирования из 11-й главы второй части «Книги о жизни» Марсилио Фичино (во всех изданиях «Книги о дистилляции» Иеронима Бруншвига под названием «Das XI Capitel sagt von dem Gebrauch von Milch und des menschlichen Bluts zu Leben der Alten» («Об употреблении молока и человеческой крови для жизни пожилых людей»)).

¹⁴ Пожалуй, именно так можно перевести предложенный английским исследователем термин «corpse medicine» по отношению к методам использования человеческих тканей и органов для изготовления «лекарственных средств», см. заглавие книги: «Mummies, Cannibals and Vampires: the History of Corpse Medicine from the Renaissance to the Victorians» [Sugg, 2015].

¹⁵ «Обратим внимание, что Фичино, с одной стороны, рассматривает blood therapy как рутинную форму омоложения (повторяя врача Арнольда), и что, с другой стороны, он приветствует высасывание реципиентами крови непосредственно из руки донора [...]. В медицинской теории эпохи Возрождения молоко и кровь воспринимались как разные проявления единой жидкости человеческого организма. Согласно идеям Фичино и других, употребление человеческой крови было немного более радикальным, но совершенно логичным продолжением грудного вскармливания. Другие данные также показывают, что взгляды Фичино не считались слишком эксцентричными. [...] Врач-падуанец Джованни Микеле Савонарола (ум. 1464?) заявлял, что «квинтэссенция человеческой крови» часто используется «против безнадежных болезней». В 1512 году Иероним Бруншви́г описал воду, дистиллированную из крови тридцатилетнего мужчины» (Здесь и далее перевод автора настоящей статьи) [Sugg, 2015, p. 19–20].

а также известный прототип Фауста оккультист и врач Агриппа Неттесгеймский (XVI в.). Читая рекомендации деятелей эпохи Гуманизма, уже не кажутся невероятными пересказанные юристом и историком Стефано Инфессура слухи о флеботомии у детей для употребления крови папой Иннокентием VIII (1484–1492), находящимся при смерти [Infessura, p. 275–276; Sugg, 2015, p. 20], которого в связи с этим упомянул Оскар Уайльд в романе «Портрет Дориана Грея» («...кого Пресыщенность, Порок и Кровожадность превратили в чудовищ или безумцев»).

Византийская культура тоже оставила свидетельства об употреблении избранными, а именно — василевсами, человеческой крови при недугах, но реликты этого рассматриваются в ее памятниках как проявление языческих традиций, которым противопоставляются христианские: исцеление молитвами, иконами, святой водой. Так, в Хронике Георгия Амартола IX в., переведенной на славянский в XI в., говорится о тяжелой болезни Константина Великого, которого «идольские иерѣи» брались исцелить процедурой омовения в купели, наполненной детской кровью: «...рѣша ему, купель сътворивше, исполнити крѣви дѣти младыхъ и, въ теплѣ крѣви покупавшюся ему, здравоу быти. Събранымъ же оубо дѣтемъ изъ всѣхъ епархии...»¹⁶. Согласно легенде император отказывается от «заколѣнія» «невиноватыхъ дѣтии» (то есть данная процедура подразумевала убийство), после чего видит пророческий сон, обращается к епископу Селивестру и выздоравливает в купели с освященной водой.

С распространением христианства традиция употребления человеческой крови стала искореняться либо видоизменяться (см. выше о «добровольном» заборе крови у детей и другие свидетельства), в зависимости, по-видимому, от региона.¹⁷ Материалы народных верований и фольклора восточных славян, а также аутентичные письменные древнерусские памятники не сохранили свидетельств существования подобного явления, что означает очень раннюю его табуированность. «Запрет есть кровь» проистекает из отождествления крови и души человека, которое отражено уже в ветхозаветной традиции («...потому что душа тела в крови», Лев 17: 14), подобный акт приравнивался к посягательству на душу («Ибо душа всякого тела есть кровь его, она душа его... всякий, кто будет есть ее, истребится», Лев 17: 14)¹⁸. Способностью употреблять человеческую кровь, согласно представлениям русских, обладают представители нечистой силы, мертвецы-упыри, дикие народы [Левкиевская, 1995, с. 285–286; Белова, 1999а; Белова, 1999б]. Многочисленные бывальщины и мифологические рассказы о возвращающихся колдунах, пьющих кровь живых людей, что приводит к гибели жертв, известны у всех славянских народов. Мифологические персонажи вампиры/вурдалаки/упыри в христианстве стали восприниматься как нечистая сила, в древнерусской книжности представления о них пополнили топику сюжетов о преследовании бесами людей с целью помешать их спасению и склонить на свою сторону. Подобные сюжеты встречаются в текстах поздней агиографии. Наверное, самым ярким примером может служить «Повесть о бесноватой жене Соломонии» (XVII в.), где нечистая сила предлагает одержимой женщине приобщиться к своей пище, употребление которой равнозначно убийству: «Жена же, которая с нею водилась, прииде и принесе ей (Соломонии. — О. С.) сосуд крови, и велеше ей пити. Она же не можаше пити. И рече к ней темнообразная жена: “Когда ты крови не пиеш, и ты заколи отца своего”»¹⁹. Акт принятия внутрь человеческой крови, по-видимому, воспринимался как акт приобщения и знак принадлежности к потустороннему

¹⁶ Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе: Текст, исследование и словарь. Пг., 1920. Т. 1. С. 333.

¹⁷ См. о некоторых особенностях восприятия этого явления в национальных культурах, в том числе Нового и Новейшего времени [Sugg, 2008; Noble].

¹⁸ На этих стихах Пятикнижия основано 67-е правило Трулльского собора, которое отражено в древнерусских Кормчих и 91-й главе Стоглава [Кравецкий].

¹⁹ Пилин А. В. Из истории русской демонологии XVII в.: Повесть о бесноватой жене Соломонии. СПб., 1998. С. 168.

миру. Прием человеческой крови орально или какое-либо ее использование были недопустимы в древнерусском обществе. В епитимийниках, в отличие от латинских Пениденциалиев, какие-либо запреты употребления человеческой крови вообще отсутствуют. Встречающиеся в них вопросы относительно употребления человеческих жидкостей или «временных» органов типа плаценты обусловлены архаическими представлениями о восстановлении отсутствующих или поврежденных функций организма путем использования здоровых донорских органов или жидкостей, то есть восходят к имитационной магии — лечение подобного подобным²⁰ (так же как и отпугивание подобного подобным). Эти магические обряды никак не связаны с известной европейской традицией употребления человеческих крови, жира, плоти, костей и мозгов в качестве лекарственных средств прямого действия или, например, с целью омоложения. Р. Загг утверждает, что, например, для королевских семей и высшего общества ряда стран Европы было нормой употребление «человеческого материала». «Порошок из костей черепа (часто из задней части головы) был особенно популярен в рецептах от эпилепсии и других заболеваний головы. В дистиллированном виде он также использовался против конвульсий, и некоторые (не в последнюю очередь Карл II) считали его чем-то вроде основного лекарства от всех болезней. Обычно применяемое наружно, масло из человеческого жира использовали при ревматизме, нервных расстройствах, подагре, ранах, раке молочной железы, судорогах, ломоте и болях, а также меланхолии» [Sugg, 2015, p. 17].

Интересно, что подтверждение применения подобных методов лечения на примере представителя опять-таки королевской семьи Европы находится в русских документах — материалах Аптекарского приказа. В январе 1644 г. в Россию прибывает по обоюдному согласию царствующих фамилий датский принц Вальдемар с целью женитьбы на царевне Ирине Михайловне. Королевич, в связи с настойчивыми требованиями московской стороны перейти для вступления в брак в православие и завязавшимся богословским спором, провел в России полтора года. В это время он и члены его свиты, разумеется, болели. При каждом случае заболевания врач, входящий в состав датской делегации²¹, выписывал рецепты на латыни, которые подавались на имя государя Михаила Федоровича и, соответственно, передавались главе Аптекарского приказа боярину Ф.И. Шереметеву. Тот же в свою очередь распорядился перевести рецепты на русский язык и выдать из приказа запрашиваемые зелья. Благодаря сохранившейся документации Аптекарского приказа известно, что 28 сентября 1644 г. датский врач запросил, а 1 октября Аптекарский приказ выдал королевичу множество снадобий, в том числе: «сала человечья, сала гусина, сала курячья, сала медвежья, всего по 2 золотника, соку из червей красных 3 золотника». При переводе последнего ингредиента помечено: «Соку из червей красных 3 золотника; а вместо соку отпущено масла из червей 6 золотников»²². Очевидно, что два из названных составляющих рецепта — это то самое сырье, которое и было исключено русским врачом при переводе «Книги о дистилляции». Во-первых, это «человеческое сырье» — «сало» (см. выше у Р. Загга о масле из человеческого жира), во-вторых, «сок из красных червей». Как было показано выше,

²⁰ Об использовании в любовной магии и в качестве средства от бесплодия плаценты, пуповины, месячной крови хорошо известно исследователям народной культуры и этномедицины [Кабакова, с. 82–83, 85, 91, 200]. «Сырье» (выражаясь языком химиков), имеющее отношение к рождению ребенка, могло употребляться женщинами, страдающими бесплодием, с целью деторождения. «...“Детородными” свойствами наделялось все, что в физиологии женщины имело отношение к зачатию и рождению детей: плацента и пуповина, менструальная кровь и “семя”» [Корогодина, с. 214]. Подобные суеверия, свойственные всем культурам и относящиеся к архаическим представлениям о лечении подобного подобным, расценивались как «колдовские», строго запрещались: «Епитимья за применение средств для рождения назначалась большая — год или три года поста» [Там же].

²¹ В свите королевича находились «лекар, дворовой аптекарь, его особой лекарь» («Перевод росписи датского королевича Вальдемара» см.: Вести-Куранты 1642–1644 гг. / Изд. подг. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина; Под ред. С. И. Коткова. М., 1976. С. 85–86).

²² Акты исторические, собранные и изданные Археологическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 3. С. 485. № 298; см. также: [Загоскин, с. 36].

переводчик опустил главу «Лимакс» («Здѣ глава пропушена по-латынски “Лимаксъ”, собою червь земляной»), из чего мы теперь можем заключить, что употребление этого сырья тоже было невозможно на Руси. Стоит упомянуть, что сохранились сведения об использовании отцом принца Вальдемара, королем Дании Кристианом IV, средства от эпилепсии в виде порошков, «частично состоящих из черепов преступников» [Sugg, 2015, p. 30]. Оба эти свидетельства подтверждают, что медицина в среде протестантов XVII в. нисколько не отступала от принятой в католической среде традиции лечения с использованием «человеческого сырья», несмотря на существенные теологические, обрядовые, ментальные расхождения. В связи с приведенным примером стоит указать, что факты составления подобных рецептов, предназначавшихся бы для русской царской семьи, знатных фамилий или просто жителей Московской Руси, неизвестны, хотя ингредиенты для них подбирали те же европейские дипломированные доктора: по-видимому, они соотносили свои методы лечения с той традицией употребления средств и продуктов, которая была исконной для страны их командировки или уже второй родины. Таким образом, трудно со всей очевидностью утверждать, что принц Вальдемар получил из Аптекарского приказа действительно то, что заказывал, а не подобие указанных в рецепте его врача составляющих.

Итак, в первой части «Книги о дистилляции» (изготовление лекарственных средств) речь идет об использовании орально дистиллированной человеческой крови, взятой у донора, будь то взрослый или ребенок. Во вторую часть этого издания вошла «Книга о жизни» Марсилио Фичино, в которой рекомендуется сосать кровь непосредственно из артерии ребенка. Восточные славяне, как и все европейские народы, широко практиковали флеботомию, а о том, как они распоряжались выпущенной с целью оздоровления кровью, свидетельствуют документы Аптекарского приказа²³. Правда, они касаются обращения с «царской» кровью, но все же очевидно, что кровь воспринималась как драгоценная жидкость, источник жизни, отождествлялась с душой и распоряжались даже «плохой» кровью бережно, аналогично тому, как поступали с ветхими сакральными предметами. Кровь не могла быть выброшена, а должна была быть спрятанной или уничтоженной специальным способом близкими людьми в пространстве, связанном с домом. В 1643 г. выпущенную кровь царя Михаила Федоровича закопали в саду: «А в полдни руда вешана; весом стало фунт без четверти: и ту руду, при боярине при Федоре Ивановиче Шереметьеве, Иван Федорович Большой Стрешнев, выкопав в саду против комнаты ямку, положил в землю»²⁴.

Итак, можно заключить, что отсутствие такого явления у восточнославянских народов, как употребление человеческой крови с лечебными целями, подтверждается теперь и содержанием русского перевода «Книги о дистилляции», автор которого преднамеренно опускал подобные рецепты. Но не только его отношение к указанным методам европейской медицины отразилось в письменной культуре Руси. Во время Ливонской войны Ивану Грозному стали известны факты аутопсии (вскрытия трупов) и изъятия органов и тканей из тел убитых воевод и детей боярских, имевших место после взятия крепости Сокол польско-немецкой стороной (1579 г.). Пораженный невиданным явлением, русский царь попытался интерпретировать его, исходя из своих традиционных представлений, и, заблуждаясь, определил цели манипуляций с телами убитых на поле боя как «волховные» (чародейские, магические). В послании королю Стефану

²³ Повсеместно считалось, что кровопускание возвращает здоровье при любой болезни: «Ходили коневалы с Мезени, кровь кидали и здоровье поправляли» [Мазалова, с. 56], — причем так считали не только «коновалы», но и врачи с университетскими дипломами. О флеботомии у членов царской семьи сообщают периодически документы Аптекарского приказа. Царю Алексею Михайловичу в 1660–1663 г. регулярно производили флеботомию — выпускали артериальную и венозную кровь («пущали рошковую руду», «отворяли жильную»), за что все причастные к процедуре получили богатые дары; в 1663 г. царице Марье Ильиничне «отворяли жильную, а у того дѣла были: дохтур, да лекарь, да перевотчик», которые получили опять-таки не денежное вознаграждение, а дорогие подарки (Материалы для истории медицины. СПб., 1883. Вып. 2. С. 271–272).

²⁴ Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 3. С. 388. № 228.

Баторию русский царь писал, основываясь, очевидно, на донесениях со слов очевидцев: «... Город Сокол новым умышленьем зжег и людей побил и мертвым поругалися беззаконным обычаем, чево ни в безверных не слыхано: убьют ково на бою да покинут, ино то ратной обычей; а твои люди собацким обычаем делали, выбирая воевод и детей боярских лутчих мертвых, да у них брюха вьзрезывали, да сало и жолчь выимали как бы волховным обычаем. Пишешь и зовешься государем хрестьянским, а дела при тебе делаютца не прилишны хрестьянскому обычею: хрестьяном не подобает кровем радоватися и убийством и подобно варваром деяти (курсив мой. — О. С.)»²⁵. Я. С. Лурье привел сообщения европейских источников о взятии крепости Сокол, подтверждающие нарисованную Грозным картину, и прокомментировал этот фрагмент следующим образом: «Немецкие ландскнехты, участвовавшие во взятии города, умертвили русских пленных, в том числе воеводу Шеина. О происшедшем при взятии Сокола надругательстве над трупами рассказывает Гейденштейн (... “многие из убитых отличались тучностью”, “немецкие маркитантки, взрезывая такие тела, вынимали жир для известных лекарств от ран, и между прочим это было сделано также у Шеина”) и французский историк де-Ту... В ответе на комментируемую грамоту Баторий (или Замойский, составитель ответа) сделал попытку оправдать этот поступок своих ландскнехтов тем, что “то бывает во всем христианстве, те тела мертвые в малые куски розрезывают, присматриваючися члонков всих и внутрности, абы у хоробах [болезнях] живым помагали”»²⁶. По реакции Ивана Грозного и неверно данной им интерпретации «беззаконного обычая» можно сделать вывод, что царь не был осведомлен о фармакологическом использовании человеческих органов и даже не предполагал подобное их предназначение, в то время как, с точки зрения Стефана Батория, изъятие органов и тканей трупов практикуется «во всем христианстве» и человеческие «внутренности» являются обычными лекарственными средствами. Если наша гипотеза верна и перевод «Книги о дистилляции» был осуществлен в последней четверти XVI в., то получается, что два современника — Иван Грозный и переводчик Травника — оставили нам практически идентичные свидетельства «недоумения» относительно одних и тех же традиций европейской медицины²⁷.

Рядом с указанием переводчика на пропуск главы о человеческой крови читается еще один его комментарий, также выделенный в рукописях киноварью: «А туто другая Бесѣда переступлена от незнаема для». Комментарий касается главы «Menschen Kot Wasser», предмет которой требует подготовленности читательской аудитории, как и сюжет гравюры к ней. Глава посвящена использованию в медицинских целях человеческих экскрементов. В ней подробно излагается порядок забора указанного сырья (на гравюре немецких изданий изображен испражняющийся человек), способ его дистилляции, указываются недуги, при которых возможно употребление средства: это заболевания глаз и инсульт. При смещении человеческой крови и человеческого кала получается, как отмечает Иероним Бруншвиц, отличное зелье для лечения паралича. В случае последствий паралича, например утраты речи, лекарственное средство следует класть на лицо и на язык («Дистиллированная человеческая кровь и дистиллированный человеческий кал, смешанные, кладутся на лицо... если человек не может говорить, дистиллят кладут в небольшом количестве на язык и перед сном убирают» (Strassburg, 1521. S. 89)).

В славянских культурах экскременты человека использовались прежде всего

²⁵ Послания Ивана Грозного / Подг. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье, перев. и комм. Я. С. Лурье. М.; Л., 1951. С. 218–219.

²⁶ Там же. С. 661.

²⁷ Интересно, что еще один их современник, автор-составитель Степенной книги митрополит московский Афанасий ввел в текст этого свода (1560-е годы) уже упоминавшийся сюжет, восходящий к Хронике Амартола, об отказе императора Константина Великого получить исцеление в купели с младенческой кровью (см. об этом выше) (Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: тексты и комментарий: в 3 т. М., 2007. Т. 1. С. 279).

в апотропеической и лечебной магии, то есть в качестве оберега людей и скота от порчи и нечистой силы. «Для предохранения от порчи высушенный кал зашивали в одежду, а скотине в тряпочке вешали на шею (з.-укр., пол.)», чтобы нечистая сила не сосала у ребенка кровь из груди, ему намазывали соски его собственным калом (в.-словац.) [Левкиевская, 1999, с. 437]. Без магического составляющего кал использовали наружно как лекарственное средство наряду с другими нечистотами и грязью: «человеческим К. мазали бородавки (пол.), чирьи (серб.), ушибы, раны, гангрену и укусы змеи (рус.). Если у ребенка гноились глаза, его купали в его собственном К. (пол.)» [Левкиевская, 1999, с. 438]. Многим народным культурам известны заживляющие свойства кала при наружном применении для лечения кожных, глазных заболеваний, в современной медицине препараты из человеческого кала (калотерапия) используются при заболеваниях желудочно-кишечного тракта: дисбактериозе, панкреатите, холецистите, язве двенадцатиперстной кишки и желудка, гастрите.

Несмотря на сохранившиеся свидетельства народной медицины об использовании экскрементов, русский переводчик «переступил» и эту главу. Что могло послужить тому причиной? Возможно, дело в том, что в немецком издании речь идет о приеме кала орально, среди же народных рецептов такие примеры не встречаются, зато на подобные действия способны, по представлениям славян, мифологические персонажи, совмещающие в себе свойства людей и демонов. «К. употреблялся ведьмами и колдунами во вредоносной магии. Чтобы отобрать плодородие с чужих полей, вештица (женщина, в которую вселился дьявол. — О. С.) в ночь на Ивана Купалу обходила поле, затем ложкой зачерпывала свой К., съедала часть его и говорила “Тук ли си, Ене?” [Здесь ли ты, Иван?], после чего все жито в поле ложилось колосками в сторону вештицы. Считалось, что без вкушения К. вся магия будет недействительна (болг.)» [Левкиевская, 1999, с. 438]. Таким образом, и в данном случае предлагаемые Иеронимом Бруншвигом рецепты могли ассоциироваться, скорее всего, с ритуалами inferнальных или близких к ним вредоносных сил.

Причины изъятия этой главы могут быть и следующими: 1) невозможность размещения запретной темы на страницах книги и 2) невозможность вынесения запретной, «соромной» темы в общественное, публичное пространство. Здесь необходимо сравнение двух контекстов, в которых по-разному воспринимался указанный рецепт, — европейского и русского.

Как известно, европейское средневековое амбивалентное сознание гармонично сочетало в себе как уважение, пиетет к сакральным образцам и символам, так и глумление над ними. Средневековые праздники дураков, шаривари, карнавалы, кощунные переложения Священной Истории были настроены на гротескные снижения церковных обрядов и общественных норм поведения «путем перевода их в материально-телесный план: обжорство и пьянство прямо на алтаре, неприличные телодвижения, обнажение тел и т. п.» [Бахтин, с. 84]. Согласно концепции М. М. Бахтина, «испражнения играли большую роль в ритуале праздника глупцов. Во время торжественного служения избранного шутовского епископа в самом храме кадили вместо ладана испражнениями. После богослужения клир садился на повозки, нагруженные испражнениями; клирики ездили по улицам и бросали испражнениями в сопровождающий их народ» [Бахтин, с. 159]. Тема публичной дефекации не была табуирована ни рамками сакрального пространства или письменности, ни нормами общественного поведения. «В нефе церкви св. Радегонды в Пуатье выточена из камня женщина, демонстрирующая свои гениталии. В хоре на поющих монахов смотрят вырезанные из дерева маленькие монстры с висящими грудями. Ниже, спустив штаны, испражняется такой же деревянный человек» [Антонов, Майзульс, с. 12]. Обнажение и прилюдная дефекация — составляющие карнавальской культуры и даже повседневной жизни — не были чем-то вопиющим для людей эпохи Возрождения. Более

того, в эпоху «реабилитации человеческого тела» они дополнили репертуар сюжетов вовсе уже не низовой, а элитарной литературы. В то время, когда выходили одно за другим издания Иеронима Бруншвига, большими тиражами печатался роман врача и бакалавра медицины Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» (первое издание первой части — 1533 г.), где теме, только что названной, было отведено значительное место, а подобные действия (различные манипуляции с фекалиями), «переступленные» русским переводчиком, — это часть незаурядных гротескных способностей Гаргантюа. Технический прогресс эпохи Гуманизма перенес явления карнавальной жизни и «антиповедения» на страницы уже первых печатных книг и в сюжеты гравюр. Так, новеллы из жизни Эзопа, предварявшие его басни, сопровождались иллюстрациями с откровенно натуралистичным сюжетом, и их тиражирование не встречало препятствий в виде нравственной, церковной или какой-либо еще цензуры (см., например, страсбургское издание «Басен» Эзопа 1481 г.²⁸). Изображение в медицинских и беллетристических изданиях человека испражняющегося было явлением, судя по всему, обычным и не шокирующим европейского читателя, как и манипуляции с фекалиями (в праздничном или лечебном контексте), — чего не скажешь о русском «недоумевающем» переводчике, для которого это означало маркированное, табуированное в обществе бесстыдное поведение. И если некоторые элементы карнавальных действий исследователи усматривают, например, в русских обрядовых играх на святки или масленицу [Понырко, 1984], в «пасхальном смехе» [Понырко, 2017], где, тем не менее, не было обнаружено кощунства (в значении глумления над святыми символами и образами) и непотребного поведения (прилюдные бесстыдные действия), то средневековая русская книжность вообще не знает примеров сакрализации низменного или смешения в одном контексте низкого и высокого, а также прецедентов *parodia sacra*, где высмеивались бы или характеризовались бранной лексикой персонажи Священной истории.

Характерное для европейской культуры смешение в одной плоскости — будь то храм, книжность или медицина — сакрального и кощунного принято называть по М. М. Бахтину амбивалентностью — источников же, свидетельствующих о подобном явлении в Древней Руси, не обнаружено. Сколько бы исследователи ни пытались найти проявлений «кощунственности» в древнерусских сочинениях, их попытки не увенчались успехом: книжность воспринималась исключительно как священная сфера, богохульства и описания непристойного поведения в ней были невозможны²⁹. Святочные обряды, пещное действо, масленичные действия отстоят очень далеко от того, что принято считать амбивалентным поведением в контексте европейской культуры, и являются обычными признаками «двоеверия», свойственного всем христианским народам, проявляющегося в том числе в сложном сочетании церковных и народных (аграрных) праздников. В жанрах покаянной письменности (например, в древнерусских епитимийниках, которые свидетельствуют как об интимных грехах, так и об антисоциальном поведении) достаточно редки статьи, посвященные «бесстыдному»: упоминается лишь прилюдное мочеиспускание в пьяном виде или с целью соблазнения [Корогодина, с. 247–250]. Акт прилюдной дефекации вообще выходил за рамки публичного поведения и табуировался рядом запретов. «С актом испражнения связаны некоторые запреты и поверья, в частности запрещалось смотреть на испражняющегося человека, чтобы не поседеть (рус.). Запрещалось бросать К. в огонь, иначе у человека тело покроется сыпью, а также испражняться во время некоторых обрядов, требующих соблюдения сакральной чистоты, например, при сеянии льна (укр. Чернигов...). Запрещалось справлять нужду на дороге, т. к. считалось, что это делается “на стол лешему”; предписывалось это делать,

²⁸ Aesopus: Vita et Fabulae. Strassburg: Heinrich Knoblochzer, 1481 (гравюра с изображением Эзопа, повстречавшего испражняющегося человека, f. 10v).

²⁹ См. о «Службе кабаку», ошибочно принимаемой за богохульное сочинение: [Лихачев, 1984, с. 20; Сапожникова, 2010, с. 623–629].

повернувшись спиной на запад, а не на восток, чтобы не замарать находящегося с восточной стороны ангела-хранителя (с.-рус.). Если замечали, что кто-либо испражняется в неполюженном месте, то на испражнения бросали горячие угли, чтобы у нарушителя зад покрывлся сыпью. ...В слав. языках существует ряд эвфемизмов для называния акта испражнения: “идти на двор” (в.-слав.), “своя потріб” (укр.), “идти туда куда царь пешком ходит” и пр.» [Левкиевская, 1999, с. 438].

Отметим, что русский лекарь делает почти невозможное для древнерусской переводческой традиции: свое решение об исключении глав он помещает в контекст чужого сочинения и специально выделяет его (комментарии, без сомнения, были киноварными уже в оригинале). Преисполненный уважения к автору столь ценного медицинского трактата, но опуская главу об использовании человеческих фекалий, он дипломатично объясняет невозможность перевести эти фрагменты «незнанием»: «А туту другая Беседа переступлена от незнаема для».

Приведенные примеры являются свидетельствами столкновения разных культур, мировоззрений, традиций, укладов. И если исследователи зачастую могут лишь предполагать особенности рецепции фактов одной культуры другой, то сознательно-избирательный, к тому же прокомментированный перевод европейского издания, отразивший традиции поведения в обществе, представляется бесценным материалом для сравнения этических, нравственных норм этих культур. Запрет на употребление человеческой крови, по-видимому, присущ всем славянским культурам, а употребление экскрементов внутрь являлось в них признаком потусторонних сил, не употреблялись орально и насекомые, земляные черви³⁰.

Факт полного перевода «Книги о дистилляции» на язык западных славян — чешский — свидетельствует, однако, об изменении отношения к исконным табу в эпоху Возрождения и Новое время. Те главы, которые «переступал» русский медик последней четверти XVI в., были переведены в составе книги Иеронима Бруншвига, изданной в городе Оломоуц (Olomouc, Olmütz) в 1559 г.³¹ Никакие исконные запреты не помешали издать книгу полностью. В чешском издании в специальном разделе «O gineuch z rozličných věsů pálených wodách», выделенном из основной части, находятся главы об изготовлении лекарственных средств из сырья преимущественно животного происхождения и в том числе из человеческой крови («Człowěčý krwe woda»), использовании человеческих фекалий («Człowěčýho layna woda»), «красных червей» («Hlemejžduow zemských woda») и др.

В таком случае стоит говорить уже не столько об этнической, сколько о конфессиональной детерминированности: то, что было возможно для европейских народов католического и протестантского вероисповедания даже славянского происхождения, невозможно было в славянской православной среде. Здесь опять-таки убедителен пример несовместимых оценок одного и того же инцидента при взятии города Сокола русской православной (Иван Грозный) и польской католической (Стефан Баторий) сторонами. Примечательно, что и английское издание 1527 г. «Книги о дистилляции» Иеронима Бруншвига также вышло без купюр, а переступленные в русском переводе главы об употреблении человеческой крови («Water of mannis blode», capitell 178), кала («Water of mannys torde», capitell 179), земляных червей («Water of erthe snayles», capitell 258) были переведены полностью³².

Итак, «Книга о дистилляции» стала на Руси важным справочником по технике изготовления

³⁰ Насекомые приравнивались к скверне, см. в Ипатьевской летописи, статья 1096 г.: «...ядяху скверну всяку — комары, мухы...» (ПСРЛ. Пг., 1923. Т. 2. Вып. 1. С. 223).

³¹ Liber de Arte Distillandi Knijhy o prawém Uměnij Dystyllowánj / ...Skrze Mijstra Jeronýma Braunnssweyka sebrané. Holomúcy, 1559. URL: http://www.manuscriptorium.com/apps/index.php?direct=record&pid=AIPDIGNKCR_54_G_593_03HLAR9-cs#search (дата обращения: 22.09.2018).

³² The vertuose boke of distyllacyon of the waters of all maner of herbes... Maister Iherom Bruynswyke. London, 1527. URL: <https://www.biodiversitylibrary.org/item/97061#page/184/mode/1up> (дата обращения: 22.09.2018).

лекарственных средств, ботаническим путеводителем, источником сложных рецептов, но она была значительно сокращена: астрология, эзотерика, ряд лечебных средств были при переводе исключены. Голос переводчика, который доносится до нас из XVI в. в виде оставленных в процессе работы комментариев, очень четко удостоверяет нормы повседневной жизни древнерусского общества, которые принято называть традиционными. Не принадлежащий к церковному клиру или корпорации книжников-эрудитов, переводчик-медик представляет светское общество, является типичным носителем православного русского средневекового менталитета. Это тот случай, когда человек руководствуется в своем выборе не профессиональными навыками, опытом аскетике или изучением канонических правил, а весь существующий уклад жизни и воспитание не позволяют ему переступить через принятые этические установки, которые были если не абсолютными, то, во всяком случае, поддерживаемыми и контролируемые церковью, органами государства и самим обществом. Материал русского перевода подтверждает выводы исследователей древнерусской культуры XV–XVI в. о том, что влияние европейской культуры эпохи Возрождения и Гуманизма происходило не на уровне идеологии, а на уровне технических открытий и методик, изобретений, художественных форм, информации научного и познавательного характера. Рецепция была строго избирательной, и все, что противоречило православной догматике и (или) традиционному укладу жизни общества, отвергалось.

Еще одна из причин избирательной рецепции европейских новинок лежит в отношении в Древней Руси к письменности, к книге, которые воспринимались как сакральные явления и в которые не допускалось низменное, например, описания непотребного поведения и непристойные изображения. Бахтин приводит высказывание В. Гюго о раблезианском мире — «*totus homo fit excrementum*», — объясняя такое восприятие деформацией литературного сознания Европы в Новое время, когда игнорируется «возрождающий и обновляющий момент образа испражнений». Отношение к низменному и непристойному претерпевало изменение в общественных установках и в Новое, и в Новейшее время: от полного запрета до полной свободы эпатажного искусства. В регионе *Slavia Orthodoxa* традиционные представления о невозможности непотребного поведения в сакральном пространстве (храм, книга) и шире — в общественном (публичное действие) претерпели, как представляется, наименьшую деформацию со времени русского перевода «Книги о дистилляции». Две ценностно-нормативные системы, явленные в немецком издании и русском его переводе, по ряду показателей пришли в противоречие. Образ жизни и традиционная система ценностей обуславливают форму поведения и способы деятельности членов этнической (или религиозной) группы. И, как было показано, не всё, составляющее одну систему, может быть включено в другую.

Перевод «Книги о дистилляции» заслуживает самого пристального внимания. Он долго не вводился в научный оборот, находясь в тени хорошо известных иллюстрированных Травников XVII в., но теперь, без сомнения, предоставит новые материалы по истории России XVI в. и для изучения русского средневекового мировоззрения.

Литература

- Аллеши Г., фон. Ренессанс в Италии / Пер. Е. Ю. Григоровича. М., 1916.
- Антонов Д. И., Майзульс М. Р. Демоны и грешники в древнерусской иконографии. Семиотика образа. М., 2011.
- Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965.
- Белова О. В. Дикие (дивьи) люди // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2. С. 92–93. [Белова, 1999а]
- Белова О. В. Кровь // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2. С. 677–681. [Белова, 1999б]
- Богоявленский Н. А. Древнерусское врачевание в XI–XVII вв. Источники для изучения истории русской медицины. М., 1960.
- Загоскин Н. И. Врачи и врачебное дело в старинной России. Казань, 1891.
- Змеев Л. Ф. Русские врачевники: Исследование в области древней врачебной письменности. СПб., 1895 (на обл. – 1896).
- Иванова Ю. В. Марсилио Фичино // История литературы Италии. М., 2007. Т. 2. Возрождение. Кн. 1. Век гуманизма. С. 367–405.
- Исаченко Т. А. Переводная московская книжность XV–XVII вв. М., 2009.
- Кабакова Г. И. Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001.
- Коваленко К. И. «Сказание о пропущении вод» как лексикографический источник // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. СПб., 2017. Т. XIII. Ч. 2. Этноботаника: растения в языке и культуре. С. 416–472.
- Корогодина М. В. Исповедь в России в XIV–XIX вв.: Исследования и тексты. СПб., 2006.
- Кравецкий А. Г. Колбаса древнерусских кормчих // Славянская духовная культура: этнолингвистические и филологические исследования. К 90-летию со дня рождения Н. И. Толстого. Frankfurt am Main, 2016. (Philologica Slavica Vindobonensia. Bd. 3). Ч. 2. С. 93–112.
- Кудрявцев О. Ф. Флорентийская платоновская академия: очерки духовной жизни ренессансной Италии. М., 2008.
- Левкиевская Е. Е. Вампир, упырь // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1. С. 283–286.
- Левкиевская Е. Е. Кал, говно // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2. С. 437–439.
- Лихачев Д. С. Смех как мировоззрение // Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 7–71.
- Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования. СПб., 1888.
- Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М., 2015.
- Мазалова Н. Е. Человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб., 2001.
- Морозов Б. Н. Травник из постельной казны Ивана Грозного? Харьковская рукопись 1534 г. – новый памятник книжной мастерской митрополита Даниила (Первые итоги изучения) // АЕ за 2003 г. М., 2004. С. 73–85.
- Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI–XVII вв.: Библиографические материалы. СПб., 2008.
- Поньрко Н. В. Святочный и масленичный смех // Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 154–202.
- Поньрко Н. В. «Пасхальный смех» на Руси в контексте литургической гимнографии // ТОДРА. СПб., 2017. Т. 65. С. 246–251.
- Сапожникова О. С. Служба кабаку // ПЛДР. СПб., 2010. Т. 16. XVII век. С. 623–634 [комментарий].
- Сапожникова О. С. Неизвестный русский перевод XVI века из медико-астрологического трактата «Книга о жизни» итальянского гуманиста Марсилио Фичино // Петербургская библиотечная школа. 2016. № 3 (55). С. 12–24.

- Сапожникова О. С. От миниатюр немецких изданий XVI в. «Liber de arte distillandi» к «чудищам» русского Травника // Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания: К 510-летию создания библейского сборника Матфея Десятого. СПб., 2017. С. 267–282. [Сапожникова, 2017a]
- Сапожникова О. С. «Иные же притчи яз, перевотчик, зде преступил»: православный традиционализм vs европейский гуманизм // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 120–121. [Сапожникова, 2017б]
- Сапожникова О. С. «Лечебник Строгановских лекарств» и лицевой Травник Сергея Шелонина // Историк и источник: Сб. статей к юбилею Сергея Николаевича Кистерева. СПб., 2018. С. 439–485.
- Borré K. Seal Blood, Inuit Blood, and Diet: A Biocultural Model of Physiology and Cultural Identity // Medical Anthropology Quarterly. 1991. № 5. P. 48–62.
- Döring A. Blut. III: Historisch // Lexicon für Theologie und Kirche. Bd. 2. [Sonderausgabe]. 2009. Col. 534–535.
- Dressendörfer W. Durch die Blumen gesprochen: Pflanzen im „Himmelsgarten“ von St. Michael zu Bamberg; Symbolik, Botanik, Medizin. Gerchsheim, 2012.
- Forbes R. J. A short history of the distillation. Leiden, 1970.
- Hofmann A. Sakrale Emblematik in St. Michael zu Bamberg. Wiesbaden, 2001.
- Infessura S. Diario della città di Roma / A cura di O. Tommasini. Roma, 1890. (Fonti per la Storia d'Italia. 5).
- Keil G. Brunshwig Hieronymus // Lexikon des Mittelalters. München, 2003. Bd. II. S. 793–794.
- Lammert G. Volksmedizin und medizinischer Aberglaube in Bayern und den angrenzenden Bezirken. Regensburg, 1981.
- Magnus H. Die Organ- und Blut-Therapie. Ein Kapital aus der Geschichte der Arzneimittellehre. Breslau, 1906.
- Müller I., Dressendörfer W. Gart der Gesundheit: Botanik im Buchdruck von den Anfängen bis 1800: Kataloge der Franckesche Stiftungen zu Halle. Wiesbaden, 2011.
- Noble L. Medicinal Cannibalism in Early Modern English Literature and Culture. NY, 2011.
- Rüsche Fr. Blut, Leben und Seele: ihr Verhältnis nach Auffassung der griechischen und hellenistischen Antike, der Bibel und der alten Alexandrinischen Theologen. Inauguraldissertation. Paderborn, 1930.
- Sigerist H.-E. Hieronymus Brunshwig and his work. N.-Y., 1946.
- Strack H.-L., von. Das Blut im Glauben und Aberglauben der Menschheit mit besonderer Berücksichtigung der „Volksmedizin“ und des „jüdischen Blutritus“. München, 1900.
- Sudhoff K. Brunshwig, Hieronymus // Die Deutsche Literatur des Mittelalters: Verfasserlexikon. Berlin; Leipzig, 1933. T. 1. S. 304–305.
- Sugg R. The art of medicine. Corpse medicine: mummies, cannibals, and vampires. In *The Lancet*. Vol. 371. June 21, 2008. P. 2078-2079. [Sugg, 2008]
- Sugg R. Mummies, Cannibals and Vampires: the History of Corpse Medicine from the Renaissance to the Victorians. Florence, 2015. [Sugg, 2015]

References

- Allesh, G., von. *Ренессанс в Италии* / Пер. Е. Ю. Григоровича [The Renaissance in Italy / Transl. by E. Yu. Grigorovich]. М., 1916.
- Antonov, D. I., Majzul's, M. R. *Демоны и грешники в древнерусской иконографии. Семiotика образа* [Demons and Sinners in Old Russian Iconography. Semiotics of Image]. М., 2011.
- Bahtin, M. M. *Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса* [The Creation by Francois Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance]. М., 1965.
- Belova, O. V. *Дикие (div'i) люди* [Wild People]. In *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*. М., 1999. Т. 1. P. 92–93.
- Belova, O. V. *Кровь* [Blood]. In *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*. М., 1999. Т. 2. P. 677–681.
- Bogoyavlenskij, N. A. *Древнерусское врачевание в XI–XVII вв. Источники для изучения истории русской медицины* [The Old Russian Healing in the 11th – 17th Cent. Sources for Studying the History of Russian Medicine]. М., 1960.

- Borré, K. Seal Blood, Inuit Blood, and Diet: A Biocultural Model of Physiology and Cultural Identity. In *Medical Anthropology Quarterly*. 1991. № 5. P. 48–62.
- Döring, A. Blut. III: Historisch. *Lexikon für Theologie und Kirche*. Bd. 2. [Sonderausgabe]. 2009. Col. 534–535.
- Dressendörfer, W. Durch die Blumen gesprochen: Pflanzen im „Himmelsgarten“ von St. Michael zu Bamberg; Symbolik, Botanik, Medizin. Gerchsheim, 2012.
- Forbes, R. J. A short history of the distillation. Leiden, 1970.
- Hofmann, A. Sakrale Emblematisierung in St. Michael zu Bamberg. Wiesbaden, 2001.
- Infessura, S. Diario della città di Roma / A cura di O. Tommasini. Roma, 1890. (Fonti per la Storia d'Italia. 5).
- Isachenko, T. A. Perevodnaya moskovskaya knizhnost' XV–XVII vv. [The Translated Moscow Bookculture of the 15th – 17th Cent.]. M., 2009.
- Ivanova, Yu. V. Marsilio Ficino [Marsilio Ficino]. In *Istoriya literatury Italii*. M., 2007. T. 2. Vozrozhdenie. Kn. 1: Vek gumanizma. P. 367–405.
- Kabakova, G. I. Antropologiya zhenskogo tela v slavyanskoj tradicii [The Anthropology of the Female Body in the Slavic Tradition]. M., 2001.
- Keil, G. Brunshwig Hieronymus. *Lexikon des Mittelalters*. München, 2003. Bd. II. S. 793–794.
- Korogodina, M. V. Ispoved' v Rossii v XIV–XIX vv.: Issledovaniya i teksty [The Confession in Russia in the 14th – 19th Cent.: Studies and Texts]. SPb., 2006.
- Kovalenko, K. I. “Skazanie o propushchenii vod” kak leksikograficheskij istochnik [The “Skazanie o propushchenii vod” as a Lexicographical Source]. In *Acta linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistikicheskikh issledovanij RAN*. SPb., 2017. T. XIII. Ch. 2. Etnobotanika: rasteniya v yazyke i kul'ture. P. 416–472.
- Kraveckij, A. G. Kolbasa drevnerusskikh kormchih [The Sausage of Old Russian Kormchayas]. In *Slavyanskaya duhovnaya kul'tura: etnolingvisticheskie i filologicheskie issledovaniya. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya N. I. Tolstogo*. Frankfurt am Main, 2016. Ch. 2. S. 93–112. (Philologica Slavica Vindobonensia. Bd. 3).
- Kudryavcev, O. F. Florentijskaya platonovskaya akademiya: ocherki duhovnoj zhizni renessansnoj Italii [The Florentine Platonic Academy: Essays on the Spiritual Life of Renaissance Italy]. M., 2008.
- Lammert, G. Volksmedizin und medizinischer Aberglaube in Bayern und den angrenzenden Bezirken. Regensburg, 1981.
- Levkievskaya, E. E. Vampir, upyr' [Vampire, ghoul]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskij slovar'*. M., 1995. T. 2. P. 283–286.
- Levkievskaya, E. E. Kal, govno [Kal, shit]. In *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskij slovar'*. M., 1999. T. 2. P. 437–439.
- Lihachev, D. S. Smekh kak mirovozzrenie [The Laughter as a World View]. In *Lihachev D. S., Panchenko A. M., Ponyrko N. V. Smekh v Drevnej Rusi*. L., 1984. P. 7–71.
- Lihachev, N. P. Razryadnye d'yaki XVI veka. Opyt istoricheskogo issledovaniya [Rank Clerks of the 16th Century. Experience of Historical Research]. SPb., 1888.
- Losev, A. F. Estetika Vozrozhdeniya [The Aesthetics of the Renaissance]. M., 2015.
- Magnus, H. Die Organ- und Blut-Therapie. Ein Kapital aus der Geschichte der Arzneimittellehre. Breslau, 1906.
- Mazalova, N. E. Chelovek v tradicionnyh somaticheskikh predstavleniyah russkikh [Man in the Traditional Somatic Representations of Russians]. SPb., 2001.
- Morozov B. N. Travnik iz postel'noj kazny Ivana Groznogo? Xar'kovskaya rukopis' 1534 g. – novy'j pamyatnik knizhnoj masterskoj mitropolita Daniila (Pervy'e itogi izucheniya) [The Herbal from the Bed Treasury of Ivan the Terrible? Kharkov Manuscript of 1534 – a new oeuvre of the Book Workshop of the Metropolitan Daniel (The First Results of the Study)]. In *Arxeograficheskij ezhegodnik za 2003 g.* M., 2004. P. 73–85.
- Müller, I., Dressendörfer, W. Gart der Gesundheit: Botanik im Buchdruck von den Anfängen bis 1800: Kataloge der Franckesche Stiftungen zu Halle. Wiesbaden, 2011.
- Nikolaev, S. I. Pol'sko-russkie literaturnye svyazi XVI–XVII vv.: Bibliograficheskie materialy. [Polish-Russian Literary Relations of the 16th – 17th Cent.: Bibliographic materials]. SPb., 2008.

- Noble L. *Medicinal Cannibalism in Early Modern English Literature and Culture*. NY, 2011.
- Ponyrko, N. V. Svyatochnyj i maslenichnyj smekh [The Christmastide and Pancake Week Laughter]. In *Lihachev D. S., Panchenko A. M., Ponyrko N. V. Smekh v Drevnej Rusi*. L., 1984. P. 154–202.
- Ponyrko, N. V. “Paskhal’nyj smekh” na Rusi v kontekste liturgicheskoy gimnografii [The “Paskhal’nyj Smekh” in Russia in the Context of Liturgical Hymnography]. In *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury*. SPb., 2017. T. 65. P. 246–251.
- Rüsche, Fr. *Blut, Leben und Seele: ihr Verhältnis nach Auffassung der griechischen und hellenistischen Antike, der Bibel und der alten Alexandrinischen Theologen: Inauguraldissertation – Paderborn*, 1930.
- Sapozhnikova, O. S. Sluzhba kabaku [The Service to Kabak]. In *Pamyatniki literatury Drevnej Rusi*. SPb., 2010. T. 16. XVII vek. P. 623–634 [kommentarij].
- Sapozhnikova, O. S. Neizvestnyj russkij perevod XVI veka iz mediko-astrologicheskogo traktata “Kniga o zhizni” ital’yanskogo gumanista Marsilio Fichino [The Unknown Russian Translation of the 16th Century from the Medical and Astrological Treatise “The Book of Life” by the Italian Humanist Marsilio Ficino]. In *Peterburgskaya bibliotchnaya shkola*. SPb., 2016. № 3 (55). P. 12–24.
- Sapozhnikova, O. S. Ot miniatur nemeckih izdanij XVI veka “Liber de arte distillandi” k “chudishcham” russkogo Travnika [From Miniatures of German Editions of the 16th Century “Liber de arte distillandi” to the “Monsters” of the Russian Herbal]. In *Slavyanskaya Bibliya v epohu rannego knigopechataniya: K 510-letiyu sozdaniya biblejskogo sbornika Matfeya Desyatogo*. SPb., 2017. P. 267–282.
- Sapozhnikova, O. S. “Inyje zhe pritchi yaz, perevotchik, zde prestupil”: pravoslavnyj tradicionalizm vs evropejskij gumanizm [“Inyje zhe pritchi yaz, perevotchik, zde prestupil”: Orthodox Traditionalism vs European Humanism]. In *Drevnyaya Rus’. Voprosy medievistiki*. 2017. № 3 (69). P. 120–121.
- Sapozhnikova, O. S. “Lechebnik Stroganovskih lekarstv” i licevoj Travnik Sergiya Shelonina [The “Stroganov’s Medical Book” and the Illustrated Herbal of Sergij Shelonin]. In *Istorik i istochnik: Sb. statej k yubileyu Sergeya Nikolaevicha Kistereva*. SPb., 2018. P. 439–485.
- Sigerist, H.-E. *Hieronymus Brunschwig and his work*. N.-Y., 1946.
- Strack, H.-L. von. *Das Blut im Glauben und Aberglauben der Menschheit mit besonderer Berücksichtigung der „Volksmedizin“ und des „jüdischen Blutritus“*. München, 1900.
- Sudhoff, K. *Brunschwig, Hieronymus. Die Deutsche Literatur des Mittelalters: Verfasserlexikon*. Berlin; Leipzig, 1933. T. 1. S. 304–305.
- Sugg R. The art of medicine. Corpse medicine: mummies, cannibals, and vampires In *The Lancet*. Vol. 371. June 21, 2008. P. 2078-2079.
- Sugg, R. *Mummies, Cannibals and Vampires: the History of Corpse Medicine from the Renaissance to the Victorians*. Florence, 2015.
- Zagoskin, N. I. *Vrachi i vrachebnoe delo v starinnoj Rossii [Doctors and Medical Practice in Ancient Russia]*. Kazan’, 1891.
- Zmeev, L. F. *Russkie vrachebniki: Issledovanie v oblasti drevnej vrachebnoj pis’mennosti*. [Russian Medical Books: the Research in the Field of Ancient Medical Writing]. SPb., 1895 (na obl. 1896).

Olga S. Sapozhnikova
Russian Academy of Sciences Library, Saint Petersburg, Russia

RENAISSANCE EUROPEAN EDITION (LIBER DE ARTE DISTILLANDI):
REASONS OF THE SELECTIVITY OF THE RUSSIAN TRANSLATION

This article is dedicated to the Russian translation of *Liber de arte distillandi* (The book about the art of distillation) by the Strassbourg doctor Hieronymus Brunschwig (the first ed. 1500). The study of the surviving manuscripts, but above all the rather exact copy of the original of the 16th century allows us to confirm that the Russian translator purposefully skipped over that parts of the German medical treatise, which went against the mores and codes of behavior in Orthodox society of Moscow Rus’. The annihilated fragments correlate with the testimony of Tsar Ivan the Terrible and the materials of the Aptekarskij Prikaz.

Keywords: “*Liber de arte distillandi*” by Hieronymus Brunschwig, Marsilio Ficino, corpse medicine, Renaissance medicine, Orthodox Traditionalism, History of Russian medicine, tsar Ivan the Terrible, Sergij Shelonin

